
ЛОНГФЕЛЛО – БУНИН – ТУМАНЯН: «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ».

НАТАЛИЯ ГОНЧАР

Есть у Ованеса Туманяна стихотворение под названием «Моя библиотека», для него – со всем строем и наполнением его жизни, с великим его любознанием и книголюбием – стихотворение очень *личного* смысла и чувства. Оно небольшое – шесть строк, написано преобладающим в его поэзии, излюбленным размером – десятисложником, рифмы – *абабба*, на русский не переводилось, так что передам его здесь построчно:

*Каждый день окружают меня они –
Все великие гении мира,
Поют, рассказывают согласно и глубоко
Про смысл и тайну жизни и смерти,
И вот так, каждый день со мной они, в моем доме,
Ни хлеба не хотят от меня, ни одежды.*

Сегодня личная библиотека великого поэта, которую любовно собирал он с юных лет, представлена в отдельном просторном зале основанного в 1953 году ереванского Дома-музея Туманяна, составляет его украшение и гордость. Библиотека насчитывает более 8000 единиц. К настоящему времени в трех солидного объема изданиях дано ее детальное библиографическое описание. Львиная доля принадлежит в библиотеке русской книге, насчитывающей более 5700 единиц и получившей описание в двух изданных томах – втором и третьем¹. Здесь сотни и сотни книг, относящихся к различным сферам гуманитарного знания (история, философия, психология, литературоведение, искусствоведение, фольклористика, этнография, в частности – кавказоведение и др.), а также и естественнонаучного знания (астрономия, ботаника, зоология, медицина и др.), но прежде и более всего это художественная литература – мировая и русская, «все великие гении мира» – от европейской античности, от Ломоносова и Державина до многих современных самому Туманяну авторов. И, конечно

---

¹ Հովհաննես Թումանյան. Անձնական գրադարանը Երևանում / Մատենադարանի նկարագրություն. Գիրք 2. Ռուսերեն գրքեր, մաս 1, А-М. – Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване./ Библиографическое описание. Книга 2. Книги на русском языке. Часть 1, А-М. Ер., изд. АН Арм.ССР, 1989, 487 с. Հովհաննես Թումանյանի անձնական գրադարանը Երևանում. Գիրք 3, մաս 2. Գիրք 4. – Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване./ Библиографическое описание. Книга 3. Часть 2, Н-Я. Ер., «Айастан», 2000, 491 с. В этом томе как Кн.4 представлены также около 500 изданий на иностранных языках.

же, при особом пристрастии Туманяна к фольклору, к созданному гением самого народа, при его приверженности к эпическим жанрам здесь предстает нам и замечательное собрание сказок, преданий, легенд, мифов и эпосов народов мира, в том числе многочисленные, а к тому же и самые представительные издания русских народных былин и сказок.

Русским языком Туманян владел свободно², был не только читателем русской книги, но и с тончайшим пониманием и чувством оригинала переводил стихи Пушкина, «Мцыри» Лермонтова, перевел и несколько былин, русскими исполнениями пользовался он, переводя Байрона или немецких поэтов, или сербский эпос. К исполненной Буниным «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло обратился он и взявшись (в силу определенных причин и обстоятельств, о которых будет сказано далее) перевести Вступление и первую главу поэмы («Трубка мира»).

С поэзией Лонгфелло, с его «Гайаватой» Туманян, однако, познакомился задолго до того, как взялся за свой перевод (1907 г.), и еще до появления бунинского перевода (1898 г.). Свидетельства тому дает библиотека, где Лонгфелло представлен целым рядом изданий (6 ед.). Ниже, по хронологии, их описание, по указанным в прим.1 книгам:

1. Английские поэты в биографиях и образцах / Сост. Ник. Вас. Гербель. – СПб., 1875 (Тип. А.М.Костомина). – XXXIII, 448 с.;

2. Иностранные поэты в переводе Д.Л.Михаловского: Байрон, Томас Гуд, Теннисон, Лонгфелло, Брет-Гарт, Гейне, Ленау и др. – СПб., 1876. 319 с.;

3. Longfellow H.W. Poems of H.W.Longfellow /with biogr. sketch by N.H.Dole. – New York, T.Y. Crowell & C. (1893 cop.) – XLI, 695 p. На обороте обложки автограф Туманяна черными чернилами «Հ. Թումանյան»;

4. Лонгфелло Г.У. Стихотворения./ В пер. Д.Л.Михаловского и др.: под редакцией Д.Л.Михаловского. – СПб, М.М.Ледерле, 1894. – 150 Пс: портр. – (Моя библиотека).

Пометы Туманяна карандашом:

«Песнь о Гайавате», с.55 – в строке 22 сверху зачеркнуты слова «/Не/убей/меня/ /охотник/», под ними написано «/Не/стреляй Гайавата»;

5. Лонгфелло Г.У Песнь о Гайавате. / С англ. пер. И.А.Бунина в стихах; Портр.Лонгфелло, ил. амер. худож. Ремингтона. 22 рис. на отд. табл., 376 рис в тексте. – (Роскошно-ил. изд.). – СПб.: Т-во «Знание», 1903. – VI, 243 с., ил., 23 л. ил. и портр.

Пометы Туманяна карандашом: с.5 – после строк 3-4 сверху («Но исполненную скорби/ И любви и чистой веры») – знак вопроса, рядом написано «բիշխի՛մ, վիշու» (печаль, горе), подчеркнуто слово «любви»; с.9 – в строке 4 снизу подчеркнуто слово «мановением», рядом – вопросительный

---

² Вот что пишет, например, дочь поэта Нвард Туманян в своей книге «Воспоминания и беседы» (Ер., «Луис», 1987, с. 57): «Отец свободно говорил по-русски, в нужных случаях даже вел большие застоля, был тамадой, так было во время обедов, данных Брюсову, или во время встреч с грузинскими писателями».

знак; Туманян именно по этому изданию перевел вступление и первую главу «Трубка мира» поэмы. Туманян перевел также из Лонгфелло стихотворение «Детям»;

6. Лонгфелло Г.У. Гайавата (The Song of Hiawatha): Сказка из жизни Северо-американских индейцев / С 30-ю рис Н.Н.Каразина; пер. и предисл Д.Л.Михаловского. – СПб.: изд. и тип. Т-ва М.О.Вольф, 1913. – XXII,У, 178 с., ил. – (Золотая библиотека).

Относительно последней в перечне книги замечу, что она являлась переизданием, первое издание состоялось в 1890 году.

Как видим, Туманян знал Лонгфелло и, в частности, «Песнь о Гайавате» уже по первому ее переводу, выполненному одним из самых крупных русских переводчиков второй половины XIX века Дмитрием Леонтьевичем Михаловским³. Начало «Гайаваты» переведено было Михаловским еще для Некрасовского «Современника», для последнего его номера; в дальнейшем в перешедших к Некрасову «Отечественных записках» (в номерах 1868-1869 гг.) перевод Михаловского опубликован был полностью.

Как отмечает Ю.Д.Левин, «"Песня о Гайавате" в переводе Михаловского вызвала интерес русских читателей. Она не только включалась в издание его переводов 1876 и 1896 гг., но и вышла отдельной книгой (изданной в 1890 г. – Н.Г.). Критик «Русской мысли» писал тогда о ней: «... поэма дышит народностью, жизненной правдой <...> она полна той примитивной наивности, той обаятельной мягкости красок, колоритности картин и прелести образов, которые отличают произведения народного творчества»⁴.

В связи с написанным о поэме на страницах «Русской мысли» нелишне, мне кажется, обратить внимание на такое свидетельство в вышеуказанной книге Нвард Туманян: «Привычка покупать книги рано проснулась в нем, еще в годы ученические. Постоянно покупал новые и новые книги, конечно, с отбором. Любил классиков и покупал их роскошные издания <...> Из русских периодических изданий получал журналы «Русское богатство», «Мир Божий», «Русская мысль» (выделено мною – Н.Г.), «Вестник Европы», «Былое»» (с.62). Не исключено, во-первых, что Туманяном замечено и прочитано было написанное о «Гайавате» Михаловского в получаемой им «Русской мысли». Во-вторых, отсутствие в библиотеке не повстречавшегося ему, видимо, в свое время издания 1890 года он компенсировал (думаю, не без удовольствия) спустя два десятилетия приобретением переиздания 1913 года.

Как бы то ни было, одно для нас очевидно: читая поэзию Лонгфелло, великого представителя американского романтизма, и в частности его эпическую «Песнь о Гайавате», Туманян уже по первому русскому пере-

³ См. главу о Д.Л.Михаловском в кн.: Ю. Д. Левин. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., «Наука», лен. отделение, 1985, с.235-259.

⁴ Ю.Д.Левин. Указ.соч., с.247.

воду испытал на себе обаяние этой поэмы, которая «дышит народностью, жизненной правдой» и полна отмеченных русским критиком замечательных качеств, отличающих «произведения народного творчества».

Говорить здесь о народности и живой правде, которых достигает, которыми дышит все творчество самого Туманяна, говорить о том, как высоко ценились им произведения народного творчества (будь то эпос, сказки, предания, песни), значило бы ломиться в уже распахнутые туманяноведением настежь ворота⁵. Поэтому, ограничиваясь пределами выдвинутой в статье темы, скажу только, что у Лонгфелло, особенно в «Песни о Гайавате» для Туманяна оказалось (и запечатлелось, осталось) нечто самому ему соприродное, типологически близкое – в мировоззрении и эстетике, в строе мысли и в строе речи. Лонгфелло исповедовал идеалы романтизма, но чуждался проявлявшейся в романтической поэзии темноты, вычурности, «высокости» речи, стихи свои писал просто, ясно, доступно, явное предпочтение отдавал популярному жанру баллады, в котором и достиг немало поэтических удач. И не простотой ли и ясностью, не народностью ли покоряла и покоряет в своем художественном совершенстве речь Туманяна? Баллада – не любимый ли его жанр? Не дышат ли народностью десятки его баллад, сюжеты которых он брал из народной памяти, народной жизни, традиций, обычаев? Не в этом ли жанре создал он такие неуязвимые свои шедевры, как «Парвана» и «Ахтамар», «Пес и кот» и «Капля меда», «Голубиный скит», «Смерть мышонка», «Конец зла»? Замечу, что специально всестороннему рассмотрению этого любимого и мастерски разработанного поэтом жанра посвятил один из многих туманяноведческих своих трудов академик Э.М.Джрбашян – монографию «Баллады Туманяна» (Ер., 2004, на арм.яз.).

Среди записей Нвард Туманян встречаем и такую: «... произведения любимых писателей покупал в различных изданиях – и на русском, и на иностранных языках. С помощью словаря читал, переводил. Приобрел роскошные издания Беранже на русском и на французском. Намеревался кое-что из него перевести»⁶. Судя по тому, как представлен в личной библиотеке Туманяна Лонгфелло – в различных изданиях, к тому же и на английском, к тому же и в «роскошно-ил. изд.» «Песни о Гайавате» в переводе Бунина (1903) – этот поэт был одним из любимых. И если намерение «кое-что» перевести из тоже любимого Беранже осталось неосуществленным, то из полюбившегося ему лучшего произведения Лонгфелло Туманян «кое-что» перевел, и перевод этот, несомненно, один из самых лучших в драгоценном наследии, оставленном культуре родного народа Туманяном-переводчиком поэзии (с 1889-го по 1922 год Туманяном было создано 80 переводов из поэзии других народов –

---

⁵ Укажу лишь последнее туманяноведческое издание на рус. яз, где освещена эта тема: Магда Жанполадян. В мире Туманяна. Ер., «Эдит принт», 2018.

⁶ Нвард Туманян. Указ. соч., с. 67-68.

стихотворения, детские стихи, поэмы, баллады, образцы народного эпоса).

Переводы Туманяна из Пушкина, Лермонтова не раз становились предметом заинтересованного внимания как с историко-литературной, сравнительно-литературоведческой точки зрения, так и с точки зрения переводческого искусства. Немало было обращений того же плана и к переводам из русских былин и сербского эпоса, из Байрона и немецких поэтов⁷. Что же касается перевода из «Гайаваты» Лонгфелло, то, конечно, он представлялся в соответствующем разделе в собраниях сочинений поэта и сопровождался необходимым и достаточным комментарием, однако, по тем или иным причинам, в поле специального внимания к нему не оказался: в книгах, указанных мной в примечании, находим у И.Сафразбекян – «Песнь о Гайавате» в двух-трех перечислениях ряда эпических произведений, у М.Джанполадян – в общих чертах о поэме и о бунинском переводе (1,5-2 стр.). Между тем этот туманяновский перевод из очень показательных относительно психологии, эстетики и техники художественного перевода вообще, за которыми в данном конкретном случае подразумеваются как мотивы, побудившие к созданию перевода, так и выбор адекватных художественных средств и уровень владения таковыми.

О мотивах, побудивших Туманяна к этому переводу именно в 1907 году («биографических и идейных»), сжато, в десятке строк, сказано в примечаниях к нему Эд.Джрбашяна: «Туманян только что прошел сквозь двухлетнее полыхание на Кавказе межнациональных столкновений, во все время которых неизменно выступал последовательным защитником мира и согласия между народами. Армянскому поэту были очень близки так ярко выраженные особенно в переведенной им первой главе («Трубка мира») думы о взаимопонимании и сотрудничестве всех людей и племен. Именно это и побудило его перевести и представить армянскому читателю гуманистическое произведение американского поэта»⁸.

Зафиксированное в примечании стоит дополнить.

Общественная деятельность Туманяна, богатая многими фактами, многими яркими ее проявлениями, освещена в монографии Л.Карапетян⁹. В отдельной главе прослежены здесь события, развернувшиеся на Кавказе в 1905-1906 гг., и активные миротворческие действия Туманяна, поначалу в Тифлисе, затем в его родном краю – Лори.

С.Наровчатов пишет об этом так: «В 1905-1907 гг. в силу дурацкой политики имперского чиновничества в Закавказье его охватил разгул шовинистических и националистических страстей Туманян деятельно

---

⁷ См. в частности: **И.Р.Сафразбекян**, Ованес Туманян и мировая литература. Ер., изд. АН Арм ССР, 1976. **М.Джанполадян**. Туманян и народный эпос. Ер., изд. ЕГУ, 1969 (на арм.яз.), ее же статьи в указ. выше кн. «В мире Туманяна».

⁸ **Ов.Туманян**. ПСС в 10 томах. Т.4. Ер., изд. АН Армении, 1991, с.603 (на арм.яз.).

⁹ **Л.Карапетян**. Общественная деятельность Ованеса Туманяна. Ер., изд. АН Армении, 1992 (на арм.яз.).

участвовал в событиях 1905-1907 годов, резко восставал против всякого проявления национальной вражды в родных местах. Известно, что он с белым флагом в руках объезжал азербайджанские и армянские деревни, уговаривая обманутых крестьян прекратить столкновения. Крестьяне знали и любили поэта, верили ему, он достиг своей благородной цели – три уезда были спасены от братоубийственной бойни»¹⁰.

О том, как действовал Туманян в эти дни, в частности об одном таком дне осталось воспоминание дочери: «...Весна была, время выходить в горы. Каждое лорийское село, согласно распоряжению отца, прислало четырех-пять представителей в Дсех, откуда крестьяне во главе с отцом должны были направиться к горе Хамбулах (населенной тюрками – Н.Г.). Собралось около сотни конников, а может, и больше. Наш сад, крыша и балкон заполнены были местными и приехавшими крестьянами. Для обеда в этот день набрали у соседей подносов, блюд, приготовили много яичницы и на больших блюдах дали обед в саду. Многие сидели на камнях садовой ограды, некоторые поднялись на деревья, чтоб послушать речь отца перед отправлением в путь. Тетушка Астхик срочно шила белый и красный (к миру и к схватке) флаги, которые свернули и уложили в хурджин. Отец, сидя в своей комнате, писал карандашом следующий «призыв»<...>¹¹ Помощники отца переписывали, размножали «Призыв» для распространения его в селах. Отправляющихся в путь провожали под зурну-бубны... Бабушка наша, провожая, достала платок, плакала – «уехал сын...», ее примеру последовали мама, тетушки, потом и все дети. Когда же вернулись они с флагом мира, был устроен целый пир, с зурной-бубнами»¹².

В шестом томе («Критика и публицистика») армянского 10-томника Туманяна представлены, наряду с «Призывом» 1905 г., еще два текста (1906 г.), характеризующих его неустанную посвященность взятой на себя миротворческой миссии. Ознакомлю здесь с ними, тем более что, на мой взгляд, в них особенно проявилась **индивидуальность и поведения, и почерка Туманяна**. Это, во-первых, его письмо-сообщение «Из Лори», отправленное в газету «Аршалуйс» в январе 1906 г. с целью дать объективные сведения о некоторых событиях, получивших искаженное отражение в тифлисской русской газете «Возрождение» и – в перепечатке из нее – в газ. «Аршалуйс». Привожу завершающий фрагмент: «...На нашей с Казахом границе произошло недоразумение, отправляемся туда, 50-60 конников, чтоб удержать мир хотя бы в этих местах. Представить себе не можете, жизнь скольких-скольких людей смогли спасти и

¹⁰ С.Наровчатов. Великий поэт и гражданин. Ер., «Айастан», 1970, с.27. Отметим здесь, что с острой критикой «дурацкой», по слову С.Наровчатова, политики на Кавказе, «с ужасающей быстротой и силой» давшей «печальные плоды», выступил в ряде статей 1905-1906 гг. Александр Амфитеатров. См. с. 50-55 в кн.: А.В.Амфитеатров. Армянский вопрос. Ер., изд. ЕГУ, 2015.

¹¹ Текст призыва (в оригинале назв. «От имени лорийцев»), который здесь опускается, см. на русском в кн.: Ов.Туманян. Избр. произведения в 3 т. Т.3. Ер., «Айастан», 1969, с.12.

¹² Н.Туманян. Указ.соч., с.85-86.

сохранить мир в наших ущельях. Тюрки пограничного нам Казаха ведут себя очень хорошо. Несколько раз у нас с ними были переговоры, и в нашем, и в их народе страшно велико желание мира. С обеих сторон сеют раздор хулиганствующие люди. И сеют его так легко, что диву даешься. Если есть что трудное, так это не дать ему ходу» (с.148).

Во-вторых, это, в отличие от первого очень краткого, развернутый почти на две страницы «Призыв лорийцев». Привожу его с незначительными сокращениями:

«От отцов-дедов к нам дружным, к вековым соседям нашим мусульманам Казаха.

Народ в Лори прослышал, что между нашими братскими армянами и тюрками Казаха большая ссора возникла, прослышал, что в постыдной и бессмысленной драке рушится соседство и дружба двух наших сторон, прослышал, что ружья стреляют по селам, по детям и женщинам, друг у друга сыновей убивают, дома разрушают, траву поджигают, добро угоняют. Зачем все это – не понимает никто. Как жгут траву, так и огонь пустили, народ горит в нем и некому погасить. Безмозглые поднялись, разошлись вовсю, умные помутились умом, растерялись. Смута пошла в краю.

Будь две эти стороны двумя войсками, сказали бы, что одно из них победит, разобьет другое, тем все однажды и кончится и минует. Но это ведь два народа-соседа, им рядом жить всегда, им не забыть того, что причинили друг другу – сына убили, дом подожгли, жену обесчестили, и останется между ними, от отца к сыну пойдет вражда и месть, и обоим испортит жизнь в этих наших прекрасных горах и ущельях.

Потому и собрались мы, лорийцы, перешли наши горы и с белым флагом в руках в знак мира пришли стать посреди наших братьев: что творите, недоумки? что вы сделали друг другу? чего друг от друга хотите? Не жалко разве ваших жен и детей, не жалко честного труда вашего? <...>

Братья наши, мусульмане Казаха, если вы что оставили в границах Лори и убежали, знайте, что мы храним это как «аманат». Если что пропало, чего-то недостает, за то отвечают армянские села. Весной придете вы в наши горы, в этих горах жили мы всегда вместе – и земля одна, и вода. С чистым сердцем, как братья, приходите опять, и если кто-нибудь из нас вас притеснит, мы сами его накажем, как вы видели то много раз /.../ Вы должны поверить нашим словам, и потому что говорят с вами лорийцы, а лорийцы жаркого боя не боятся, и потому что сами хорошо знаете – мы для вас такими друзьями- соседями были, что вас от своих, от армян не отличали» (с.148-149).

Из вышеприведенного нам становится ясно, **что** именно и **насколько** довлело в сознании Туманяна, в его мыслях, чувствах, переживаниях в этот период, что двигало его действиями, поступками, что определило и его «поступок» поэта – его переводческое обращение в 1907 году (т.е. сразу же после достигнутого примирения) к поэме Лонгфелло, чтобы и на

армянском прозвучал примиряющий племена величественный голос могучего Гитчи Манито:

*Гитчи Манито всесильный,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участием
С отчей жалостью, с любовью, –
Поглядел на гнев их лютый,
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.
Он простер к ним сень десницы,
Чтоб смягчить их нрав упорный,
Чтоб смирить их пыл безумный
Мановением десницы.
И величественный голос <...>
Прозвучал ко всем народам,
Говоря: «О дети, дети!
Слову мудрости внимайте <...>
Ваша сила – лишь в согласье,
А бессилие – в разладе.
Примиритесь, о дети!
Будьте братьями друг другу!»...*

Не трудно, я думаю, заметить, в какую параллель с этими (как и с другими, нами опущенными здесь строками) вступают и белый флаг «в деснице» поэта, и его «слово мудрости» – смыслы, тона его обращенной к народу, призывающей к согласию речи. Позволю себе также предположить, что «Трубка мира» из давно и хорошо знакомой ему поэмы зазвучала в памяти Туманяна – современным языком говоря, актуализировалась для поэта – уже в разгар его миротворческой деятельности, почему он и приступил к переводу сразу же по завершении ее практической стороны, однако – теперь по-иному уже – продолжая ее. Что касается показательности в отношении психологии перевода, а именно мотива переводческого выбора сказанного, пожалуй, более чем достаточно.

Что же касается эстетики перевода, т.е. выбора и применения адекватных художественных средств, то главным в этом выборе Туманяна представляется его обращение не к имеющемуся в его библиотеке в нескольких изданиях переводу Михаловского, а к появившемуся позднее (1898) переводу Бунина, представленному одним («роскошно-ил. изд.») 1903 г. и, что примечательно, содержащим туманяновские пометы¹³.

Добротой выполнивший свою роль первого ознакомления с поэмой перевод Михаловского был обречен устареть и уйти в историю с появлением перевода Бунина. О том, что перевод этот принадлежит к

---

¹³ «С русского, с перевода Бунина отец перевел первую главу «Песни о Гайавате», где звучит могучий призыв к миру (букв.: голос мира – Н.Г.)», – свидетельствует дочь поэта. См.: **Н.Туманян**. Указ.соч., с.68.

высочайшим достижениям, к шедеврам русского поэтически-переводческого искусства не раз было говорено, написано. Ограничусь здесь двумя высказываниями о нем – Николая Любимова и Льва Озерова. «Золотое сечение» – так озаглавил свою статью о Бунине-переводчике Н.Любимов, сам один из выдающихся мастеров перевода. Бунинская «Гайавата», считает он, «принадлежит к небольшому числу переводов непревзойденных» и далее не только утверждает, но и на конкретных примерах показывает, что все перечисленные самим Буниным в предисловии к своему переводу¹⁴ «достоинства поэмы Лонгфелло нашли в его переводе отражение зеркальной чистоты»¹⁵. А вот что говорит Л.Озеров: «До Бунина «Гайавату» переводил Д.Михаловский. Этот перевод не запечатлелся и может заинтересовать только специалистов. Бунин же перевел «Гайавату» так, что после него никому не приходит в голову предпринять попытку нового перевода. Вот когда хочется сказать, что перед нами не переводчик, а автор перевода ... «Автор перевода» звучит более властно и полногласно, чем «переводчик». Перевод Бунина более популярен в нашей стране, чем в Америке само произведение, созданное Генри Лонгфелло. Перевод с живостью и точностью воспроизводит переливы чужого, далекого от нас эпоса. Приближает его к нашему сердцу и разуму. Еще в детские годы мы читали это произведение, и нам казалось, что оно звучит на чудодейственном языке поэзии, что это вовсе не переложение, а оригинал. Мне всегда казалось: если бы индейцы захотели говорить по-русски, то они заговорили стихом «Гайаваты» в переводе Ивана Бунина. Здесь на редкость точно и тонко найдена поэтическая интонация, весь строй произведения»¹⁶.

Туманян замыслил перевод из «Гайаваты» спустя годы после первого с ней знакомства, уже в пору творческой своей зрелости, зная уже цену многому в искусстве слова, как художник определившись в собственных установках, задачах и принципах, выработав собственный язык, художественно совершенный и глубокий в своей простоте, и не мог он не воспринять и не оценить все обаяние бунинской «Гайаваты», достигнутое поразительной точностью¹⁷ Бунина-переводчика и тонкостью Бунина-поэта.

И точность, и тонкость бунинского перевода заявляют о себе уже с первых строк его. Ср.:

---

¹⁴ См. это предисловие в различных (многих) русских изданиях, как в отдельных, так и в собраниях.

¹⁵ Николай Любимов. Несгораемые слова. М., «Худ. лит.», 1983, с.246.

¹⁶ Лев Озеров. Рабочие тетради переводчика.- В кн.: «Мастерство перевода». Сб.13, 1985.- М., 1990, с.96-97.

¹⁷ Воспользуюсь ссылкой в указ. кн. М.Джанполадян (с.122) на статью Л.Бархударова «О лексических соответствиях в поэтическом переводе (на материале перевода И.Буниным «Песни о Гайавате» Лонгфелло)» и отмечу, что, по наблюдению Л.Бархударова, число лексических соответствий во «Вступлении» составляет 83% («Тетради переводчика», М., 1964, с.53).

*Should you ask me, whence these stories,
Whence these legends and traditions,
With the odors of the forest,
With the dew and damp of meadows,
With the curling smoke of wigwams,
With the rushing of great rivers,
With their frequent repetitions,
And their wild reverberations,
As of thunder in the mountains?..*
(H.W.Longfellow)

*Если спросите – откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома?
Я скажу вам, я отвечу...*
(пер. Бунина)

*Вы хотите знать - откуда
Эти песни и преданья,
От которых веет лесом
И лугов росистой влагой?
Вы хотите знать – откуда
Эти странные легенды,
Где вам чудится порою
Дым синеющий вигвамов...*
.....
(пер. Михаловского)

Итак, для своей работы над переводом «Вступления» и «Трубки мира» Туманян с его эстетическим чувством и предпочтениями выбрал как образец русскую «Гайавату» Бунина с ее адекватной переводимой поэме, органичной лексикой, интонацией, ритмомелодикой – со всем художественным ее строем, образным и речевым. Однако, художественно следуя Бунину, Туманян обращался и к английскому оригиналу – видимо, по словарям, которых у него было множество, а возможно, по подстрочнику¹⁸. Как бы то ни было, в художественно совершенном туманяновском переводе отрывков из «Гайаваты» немало очевидных следов английского оригинала, собственно-туманяновских и точных, и тонких отзвучиваний ему. Уловить, проследить, оценить и точность, и тонкости этого замечательного туманяновского перевода – задача, выходящая за пределы этой статьи, написанной с тем, чтобы привлечь к нему внимание сегодняшних туманяноведов, в частности имеющих переводоведческие интересы и опыт, искушенных в конкретном анализе поэтического текста.

Ключевые слова: поэзия, перевод, «Песнь о Гайавате», Бунин, Туманян, переводческий выбор, мотив, художественные средства.

¹⁸ Вспомним приведенную здесь, на с. 20, запись в кн. его дочери: «... любимых писателей покупал в различных изданиях – и на русском, и на иностранных языках. С помощью словаря читал, переводил...». Есть свидетельства современников о том, что Туманян в 1890-е годы сколько-то времени занимался английским языком (брал уроки у английского вице-консула в Тифлисе), дабы читать в оригинале Байрона и Шекспира и с оригинала перевести «Шильонского узника» (См. примечания Эд. Джрбашяна к переводам в указ. ранее: ПСС в 10 томах. Т.4, с 591). В примечаниях к переводу из Лонгфелло Эд. Джрбашян пишет, что, работая над этим переводом, Туманян «под рукой имел и подстрочник с английского оригинала» (с.603), однако никакого свидетельства, источника не приводится.

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ – Լոնգֆելո-Բունին-Թումանյան. «Հայավաթի երգը» – Հնդվածում հեղինակը ուշադրություն է հրավիրում Հովհաննես Թումանյանի լավագույն թարգմանություններից մեկի՝ Լոնգֆելոյի «Հայավաթի երգը» (հատվածներ) պոեմին: Առաջին անգամ մանրամասն լուսաբանվում և իմաստավորվում են այն նախադրյալները, շարժառիթներն ու հանգամանքները, որ մղել են պոետին թարգմանելու այդ հատվածները: Միաժամանակ բնութագրվում են դրա և ռուս գրականության մեջ թարգմանական արվեստի գլուխգործոց համարվող Իվան Բունինի «Հայավաթի» թարգմանության կապը, ինչպես նաև Թումանյանի՝ որպես գեղարվեստական երկի թարգմանչի աշխատանքի սկզբունքներն ու նրբությունները:

Բանալի բառեր – պոեզիա, թարգմանություն, «Հայավաթի երգը», Բունին, Թումանյան, թարգմանության ընտրություն, շարժառիթ, գեղարվեստական միջոցներ

NATALIA GONCHAR – Longfello–Bunin–Tumanyan: "The Song of Hiawatha". – The paper is devoted to one of the best translations by H. Tumanyan, the fragment from Longfellow's *The Song of Hiawatha*. It illustrates in details for the first time the premises, motives and circumstances which affected the poet's decision to initiate this translation. The paper also describes the connection with one of the masterpieces of the Russian translation art: *Hiawatha* by Ivan Bunin, as well as the features and principles of Tumanyan's activity as a translator of works of art.

Key words: poetry, translation, *The Song of Hiawatha*, Bunin, Tumanyan, translator's choice, motive, artistic means

Поступление: 11.11.2019

Рец.: 19.11.2019

Принято к печати: 05.12.2019